

Этновитальность и мультикультурность в судьбе и творчестве

Максима Богдановича

Возрастание роли межкультурной коммуникации, обусловленное интенсивными процессами глобализации, выводит сегодня на первое место в мировом мультикультурном пространстве проблему этновитальности культур, а значит, и литератур. А в литературоведении – проблему антропоцентризма – изучения личности, этноса, народоведческого потенциала литературы как главных этнокультурных цивилизационных составляющих, проблему модификации взглядов на национальный историко-литературный процесс в его отношениях с мировым историко-культурным развитием [6–10].

Рассмотрим, как эта проблема решалась в творчестве М. Богдановича, белорусского поэта, человека, который, самостоятельно изучив язык предков, сумел подняться до классических высот. Проанализируем, как славянские литературы и культуры, а также белорусская этновитальность отразились в его судьбе и творчестве, которое проникнуто идеей гуманизма и любви к людям, независимо от их национальности.

Для этого сначала обратимся к современной трактовке самих понятий: «мультикультурность» и «этновитальность». Следует подчеркнуть, что термин «мультикультурность» сегодня используется учёными мира [5; 6; 11; 12] в нескольких ракурсах: как политика, направленная на развитие разных культур в отдельно взятой стране, и как параллельное существование культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития. Мы будем употреблять этот термин во втором значении.

Известно, что основой бытия и мышления человека конца XX – начала XXI в. является диалог и полилог по самым значимым и вечным проблемам человеческой жизни. Это всеобщий способ освоения духовно-ценностных основ жизни, форма поиска самого себя в мире общечеловеческих ценностей: истины, добра, красоты, любви, счастья. Это и способ познания мира, и способ «самовоздвигания», самоосуществления, самоопределения. И потому сегодня важно научиться жить каждому человеку в условиях множества культур, типов сознаний, логики, точек зрения.

Известно, что коммуникация – интерактивный процесс живого общения. Важно обращать внимание на временной характер коммуникации, помнить, что это совместный процесс создания значений всеми её участниками; уделять больше внимания не только силе, но и слабости, смирению, а значит, умению слушать Другого, и тем самым лучше понимать себя.

Коммуникация – это и вопрос дискурсивной рефлексии, то есть, в его основе лежит скорее вопрос, чем ответ. Поэтому мы попробуем показать, что мультикультурность была реализована в судьбе и творчестве белорусского поэта-интеллектуала М. Богдановича и как способ освоения духовно-ценностных основ жизни через разные культуры, и как форма поиска самого себя. Так уж исторически сложилось, что население Беларуси говорит на двух языках: русском и белорусском. М. Богданович это понимал с детства. И, может быть, потому проявлял такой живой интерес к двум языкам.

Когда летом 1895 г. он отдыхал в белорусской деревне Вязье Осиповичского повета вместе с мамой и братьями, то слышал белорусскую речь. Конечно, пребывание в деревне оставило след в развитии личности поэта, как и слушание песен матери, чтение сказок, очерков и статей отца по белорусской этнографии и мифологии (отец был учёным, занимался исследованием истории, этнографии и фольклора белорусского народа, опубликовал книгу «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов»). Всё это впоследствии отразилось в его творчестве.

И всё же, несмотря на то, что М. Богданович слышал в доме больше русскую речь, своё первое стихотворение будущий поэт написал на белорусском языке. А первое опубликованное в газете «Наша ніва» произведение – рассказ «Музыка» – появилось, когда автору было пятнадцать лет. Большое влияние на развитие творческого дарования поэта оказала встреча с М. Горьким, который увидел в юноше романтическую натуру и предложил писать. Таким образом, русская и белорусская речь, уже с детства стала единым и неразрывным целым.

Так были заложены основы его мультикультурности, позволившие поэту в дальнейшем развить их в своём творчестве и определить в качестве основной идеи проблему формирования гуманистического идеала. Этим пафосом проникнуты и циклы стихотворений М. Богдановича «Старая Беларусь», «Места», «Згукі Бацькаўшчыны», «Старая Сладчына» и др. Поэт умел видеть человеческое в человеке, независимо от вероисповедания и этнической культуры. Вот что пишет А.А. Титов в газете «Голос» (1917): «Он был одним из тех, которые горят, согревая жизнь и освещая путь другим, но мало заботясь о себе». «Вечные» темы жизни и смерти, мотивы одиночества, «тоска по тайне звёздной» присутствуют в лирике М. Богдановича – одного из наиболее ярких поэтов начала XX в.

Несмотря на то, что художник слова владел белорусским языком не безупречно, он всё-таки понимал, что белорусская литература может и должна развиваться в контексте мировой, и потому сознательно приобщал её к достижениям античной и западноевропейской литератур. И в этом приобщении он имел большой успех. Особенно ярко это проявилось в стихотворной форме и художественном стиле. Кроме того, белорусский поэт оставил немало подражаний и переводов. Естественно, что передовая литературная мысль (произведения французских символистов, российских акмеистов) активно влияла на поэзию М. Богдановича. Однако он и сам стремился к созданию собственной белорусской поэзии, к органическому слиянию белорусских и зарубежных традиций.

Этому способствовала и сама жизнь. Родившись в Минске, он уже в пять лет был вынужден оставить малую родину, чтобы потом переезжать с места на место: Нижний Новгород, Ярославль, Вильнюс, Москва, Минск, Ялта. Заметим, что везде, где бы поэт ни бывал, он помнил о малой родине, ибо любому человеку об этом напоминает всегда его душа. Справедливо замечено, что родина там, где живёт твоё сердце. Об этом свидетельствуют и эти строки: «...І тчэ, забыўшыся, рука, / Заміж персідскага узора, / Цвяток радзімы васілька» [2, с. 90].

Может быть, поэтому настольной книгой в Ярославском юридическом лицее был словарь И. Носовича, по которому М. Богданович изучал белорусский язык. А в Нижнем Новгороде он тесно общался с учителем истории – белорусом, который возбуждал и поддерживал в нём всё белорусское. В Ярославле посещал белорусское землячество, где имел возможность слышать белорусскую речь, общаться с белорусами. Работая в Минске (в 1916 г.), жил на квартире у Змитрака Бядули, общался с белорусской писательницей Зоськой Верас.

Как видим, душа поэта всё время тянулась к языку дедов и прадедов, которому он учился по книгам. Книги на белорусском языке вызывали у него восторг. Он гордился своей принадлежностью к белорусам. Любовь к родной земле, жажда знаний помогли поэту овладеть белорусским языком.

Его мечта увидеть родной край сбылась в 1911 г. Он был приглашён сотрудниками газеты «Наша ніва» в Вильно, в фольварок Ракутёвщина, где прожил почти два месяца. Эта деревенская жизнь обогатила его наблюдениями, интересными встречами с народом, белорусским словом, пейзажем. При этом он заметил, что его тяга к родным местам объясняется не только любовью к малой родине, но и загадкой жизнестойкости белорусской культуры, спецификой характера её народа, сочетающего мягкость и трудолюбие с требовательностью и ответственностью.

Белорусская культура воспринималась им, человеком, знавшим теперь и другие культуры, как способ познания картины мира, как средство определения и своего места в нём. Не удивительно, что белорусский поэт писал и печатался на двух языках: русском и белорусском.

М. Богданович переводил с белорусского языка на русский стихи Я. Купалы, украинских поэтов – Т. Шевченко, В. Самийленко, И. Франко. А с русского на белорусский язык – А. Пушкина, А. Майкова. С немецкого – Г. Гейне, Ф. Шиллера. С латинского – Горация, Овидия. А также сербские, украинские, скандинавские, испанские, японские, персидские песни.

М. Богданович пробует себя и как рецензент-критик. Притом, стоит отметить, как широк был круг его читательских интересов, как провидчески мог этот молодой юноша предсказывать ход развития литературного процесса и судеб инновационных писателей, их творческих замыслов. Так, в рецензии, сделанной на книгу «Гитанджали» (Жертвопесни) известного индусского поэта Рабиндраната Тагора, которая вышла в Москве в 1914 г. в переводе под редакцией Ю. Балтрушайтиса в объёме 126 страниц, М. Богданович, анализируя произведения, подчёркивал: «...Знаменитый индусский поэт, при посредстве английской литературы, нашедший себе читателей и в Европе, а ныне, в довершение, увенчанный присуждением Нобелевской премии <...> активно использует красоту и обилие сравнений, «оригинальных, но отнюдь не вычурных» [3, с. 358–359]. М. Богданович анализирует тематику творчества Р. Тагора, которая имеет религиозно-философский характер. Ему близка и реалистичность символики: она, по мнению белорусского поэта, «...одета живою плотью и кровью <...> имеет конкретно-жизненный смысл; но сквозь него постоянно просвечивает иное содержание с границами, трудно

определяемыми, а потому без конца влекущими и расширяющими мысль» [3, с. 359]. Эта мысль индусского поэта особенно дорога М. Богдановичу.

Не мог остаться без внимания белорусского поэта-интеллектуала и первый выпуск «Славянской библиотеки» (1914), в котором особое место заняла статья В.И. Пичеты «Исторический очерк славянства», раскрывающая не только историю «славянской прародины и славянского расселения» [3, с. 380], но и историю каждого народа в отдельности. Кроме того, что судьбы славянства на то время были темой его зрелых размышлений, публицистических выступлений в прессе, он лично знал авторов рецензируемых статей. 31 августа 1914 г. М. Богданович принимал участие в славянской лекции на тему: «Мировая война и славянская федерация», которую организовал в Ярославле сербский королевский агент Ч.М. Иаксимович. С основным докладом выступал приват-доцент Московского университета В.И. Пичета. Здесь состоялось первое публичное выступление и М. Богдановича. Есть предположение, что взявшись за перо М. Богдановича заставило несогласие с докладчиками по основным излагаемым вопросам.

В опубликованной рецензии М. Богданович подчёркивает, что «особых возражений книга не вызывает», но при этом замечает, что «сербам, например, отведено в два раза больше места, чем полякам, и в три раза больше, чем чехам <...> Наконец, в статье ничего не говорится о белорусах (кроме странного замечания, будто центральным ядром для них явилось селение в верховьях Оки, прогнанное татарскими набегами: должно указать, что ко времени татарских набегов белорусы уже сформировались в национально-областную величину)» [3, с. 380–381]. М. Богданович в рецензии замечает, что «статья Ч.М. Иоксимовича «Состав современного славянства» даёт цифры по национальному и религиозному распределению славян.

В анализе рецензируемых изданий М. Богданович был внимателен и к «архитектонике стихотворений, их оформленности, завершённости», как это сделано, например, в рецензии на статью М. Орженцкого «Michał Orzecki. Storczyki» [4].

Даже этот фрагментарный анализ написанных М. Богдановичем рецензий позволяет судить о том, каким интеллектуалом был белорусский поэт, как воспринимал и понимал он разные культуры, как стремился к полилогу в мультикультурном пространстве. Ибо так было, так есть сегодня, и так будет всегда, что человек, будучи свободным и живя в свободном мире, должен учиться жить в условиях множества культур и типов мышления. Потому что осознать себя и поддерживать свою культуральную идентичность можно лишь в процессе живого общения с другими культурами – становясь частью мирового коммуникативного пространства и оставаясь при этом самим собой. Споры, беседы философского, мировоззренческого содержания, размышления героев над смыслом жизни и человеческого существования в стихах и прозе М. Богдановича активно закрепили интеллектуальное, полилогическое начало его творчества.

И в этом плане произведения М. Богдановича (фамилию можно трактовать, как «Богом данный!») в высшей степени мультикультурно. Автор,

кажется, хочет «собрать расколотый на полюса мир», соединить в первую очередь славян, таких родных и близких.

Лирике поэта присуще глубокое чувство Родины, общности славянских судеб, братства и дружбы народов. И вместе с тем поэт понимает, как важно уметь ценить культуру своих предков. Поэтому неудивительно, что одной из наиболее ярких тем в поэзии М. Богдановича является тема Родины.

Поэт уверен, что побывать в чужих краях всегда полезно, только вот полюбить чужбину вряд ли получится, потому что малая родина будет по-прежнему манить к себе. «Не рассталіся б мы з сваім краем, / Каб было дзеля нас у ім хлеба. <...> / І на вулцы пад грукат, пад гоман, / Дзе натоўп закруціўся рухавы, / Нам маячыцца вёсачка, Нёман / І агні партавыя Лібавы» [2, с. 272].

М. Богданович создал прекрасные пейзажи родной Беларуси, показал романтический, мягкий характер её народа, чем внёс большой вклад в развитие поэтической культуры белорусов. В стихотворении «Подыми к небесам свои взоры» он пишет: «Подыми к небесам свои взоры – / И ты станешь опять, как дитя, / И затихнут больные укоры, / Пропадут, от души отлетя. / Ей не нужно ни счастья, ни ласки, / В сердце нет ни тоски, ни забот. / Ты – царевич мечтательной сказки. / Эта тучка – ковер-самолет» [2, с. 349].

Белорусский поэт верит в вечную жизнь и поэтому общается со звёздами, смотрит ввысь, а не под ноги, при этом не забывает учиться жизни у людей. Невольно вспоминаются строки русскоязычного писателя-минчанина, нашего современника А. Андреева, открывающие его роман «Срединная территория»: «Тот, кто смотрит себе под ноги, – видит только дорожную пыль. Тот, кто смотрит в небо, – видит только космический туман. Хочешь видеть жизнь – смотри по сторонам» [1, с. 3].

Справедливо замечено, что лирика М. Богдановича представляет собой принципиально новый этап в развитии белорусской поэзии. И действительно, если раньше белорусская поэзия, да и в целом белорусская литература, строилась почти исключительно на местных, собственно белорусских сюжетах, разрабатывала почти исключительно местную тематику, то М. Богданович – поэт-интеллектуал – привносит в неё всё богатство европейских художественных традиций.

В стихотворении «Безнадзейнасць», например, изображён крупнейший культурный деятель белорусского Средневековья – первопечатник Франциск Скорина – тоже нетрадиционно. Он уже не за печатным станком и не с книгой в руках. Выпускник Падуанского университета, «доктар лекарскіх навук» посещает безнадежно больного. Согласимся, что такой образ Ф. Скорины не встречался в белорусской литературе ни до, ни после М. Богдановича. Он одним из первых в белорусской поэзии использует сложные стихотворные размеры и редкую строфику, пишет в жанрах триолета, рондо и ронделя. Им созданы, может быть, лучшие образцы белорусского сонета. М. Богданович первым (или одним из первых) пишет верлибры на белорусском языке (стихотворение «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...»).

Заметим, что поэзия М. Богдановича крайне разнообразна по своему содержанию. Здесь и изысканная любовная лирика, и тонкие пейзажные зарисовки, и стихотворения гражданской тематики. Целый ряд его

произведений посвящён прошлому Беларуси и белорусской культуры: «Перапішчык», «Летапісец», «Кніга» и др.

Социальной тематике, критике существующих общественных отношений посвящены у М. Богдановича такие стихотворения, как «Пан і мужык», «Гутарка» и др. Будучи человеком демократических убеждений, М. Богданович сочувствовал тяжёлой жизни трудового народа, однако нигде в его стихах нельзя найти прямых призывов к насильственному переустройству жизни. Впервые в белорусской литературе представлена и урбанистическая лирика.

Известно, что белорусский поэт активно интересовался современной русской поэзией. На занятиях литературного кружка он выступил с рефератом «Символизм и декадентство», а в 1916 г. написал рецензию на сборник В. Брюсова «Семь цветов радуги».

Мировая культура, несомненно, оказала влияние на белорусского поэта. Он много читал, активно изучал западноевропейские и славянские языки, зарубежную и русскую литературы, занимался переводами. В поэзию М. Богдановича вместе с классическими формами стиха вошли многие образы и символы европейской литературы. Неудивительно, что произведения поэта переведены на два десятка языков мира, публиковались в Великобритании, Германии, Польше, России, Франции, Югославии и других странах.

Конечно, как было сказано выше, коммуникация – это процесс диалектический, и от того, как будут развиваться межкультурные отношения, решаться проблемы обогащения культуры в отдельном регионе и мире в целом, будет зависеть и степень этновитальности каждой культуры в отдельности. Поэтому, решая любые социально-нравственные проблемы, белорусский поэт не спешил сформулировать ответ на вопрос, а искал его вместе со своим героем и читателем. Особенно это чётко прослеживается в творчестве Богдановича-прозаика. Раздумья молодого писателя над будущим человечества и судьбой мировой цивилизации определяют содержание и пафос миниатюры «Калейдоскоп жизни» (1913). Кажется, М. Богданович здесь проводит своеобразное наблюдение за человеческой жизнью. Устами персонажа он подчёркивает, как «неуловимо быстро вертится и не знает отдыха круг жизни» [3, с. 148]. Он рассуждает о её смысле: «...Что даст им день? Что даст им час? Что даст им жизнь?»

Чем быстрее вертится круг, тем с большей страстностью прикованы к нему взоры, и... не могут оторваться...не могут отрешиться. Люди и круг – одно» [3, с. 148].

В своей миниатюре автор пытается разобраться и в психологии мультикультурного общества, сожалеет о том, что неизменен человек в своих пороках. Он отмечает: «Рождаются и исчезают бесследно целые поколения – людей, племён, народов...» [3, с. 148], «Всё реже смеётся людская радость...Всё чаще сверкают перлы-слёзы...<...> Реже мелькают <...> яркие звёзды» [3, с. 149]. И вместе с тем М.Богданович напоминает людям о предназначении человека на Земле, о необходимости изучать прошлое и извлекать из него полезные уроки: «Так надо... Так было... Так будет...»

Мгновенно омоется круг, точно лучом весеннего солнца. Заиграет на нём алмазом мимолётное людское счастье... Встрепенётся радость... Улыбнётся

надежда <...> Любовно-кротко смотрит на них из глубины тысячелетий этот мягкий свет всевидящих глаз, и звучит нечеловеческий голос – голос вечной божественной правды:

– Да любите друг друга» [3, с. 150–151].

Как никогда актуально звучит сегодня, в век технологизации, предостережение о том, что слепая погоня человека за всем новым не должна быть самоцелью. Ибо такая погоня, по мнению М. Богдановича, сначала оставляет душу на задворках жизни, а потом, и вовсе уничтожает её, делает неспособной видеть духовное вырождение человека, а вместе с тем видеть и происходящую в обществе деформацию моральных принципов и ценностей. Она отлучает человека и от веры: «А с высоты креста кротко глядит на них лик Искупителя <...> пригвождённые руки стремятся как будто обхватить весь этот страшный, залитый кровью мир, обнять всех заблудших, растерянных, ищущих в одном общем призыве к любви и всепрощению:

– Прости им, Отче, они не ведают, что творят» [3, с. 151].

Мысль об очищении души, о приобщении человека любого этноса к вере звучит и в стихотворении М. Богдановича «Костёл Св(ятой) Анны в Вильне».

Чтоб заживить на сердце рану,
Чтоб освежить усталый ум,
Придите в Вильну к храму Анны,
Там исчезает горечь дум [2, с. 339].

Таким образом, творчество М. Богдановича, который так много сделал для белорусской культуры за свою недолгую жизнь, можно считать гимном своей малой родине и одновременно призывом к тому, как важно и значимо для человека любой национальности уметь вести диалог не только в рамках своей этнической культуры, но в мировом мультикультурном пространстве.

Литература

1. Андреев, А. Срединная территория : роман / А. Андреев. – Минск, 2004.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 1992–1995. – Т. 1 : Вершы, пэзіі, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 1992–1995. – Т. 2 : Маст прэза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзій і нататкі, чарнавыя накіды. – 1993.
4. Багдановіч, М. Michał Orzech. Storczyki / М. Багдановіч. / Голос – 1916. – № 200.– 3 сент.
5. Борисов, А.А. Мультикультурализм: американский опыт и Россия / А.А. Борисов // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире : исследовательские подходы и интерпретации ; под ред. Г.И. Зверевой. – М., 2003.
6. Глобализация и мультикультурализм ; отв. ред. Н.С. Кибяев. – М., 2005.
7. Жигалова, М.П. Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика : монография / М.П. Жигалова. – Берлин (Германия), 2011.
8. Жигалова, М.П. Отражение мультикультурности в русскоязычной лирике Беларуси (на примере творчества Н. Ковалевича и Л. Красевской) / М.П. Жигалова // Качество языкового и литературного образования: содержание и методика обучения : сб. научн. ст. / Нац. ин-т образования М-ва образования Респ. Беларусь ; под ред. Л.А. Муриной, В.Ф. Русецкого. – Минск, 2011. – С. 240–248.

9. Жигалова, М.П. Картина мира и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси / М.П. Жигалова // Русский язык и литература.– 2011. – № 7. – С. 22–34.
10. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и методика : монография / М.П. Жигалова. – 2-е изд., доп. – Брест, 2011.
11. Жигалова, М.П. Мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси и её интерпретация в учебных целях / М.П. Жигалова // Русский язык и литература во времени и пространстве ; под ред. Л.А. Вербицкой [и др.]. – Шанхай, 2011. – Т. 4. – С. 537–544.
12. Сайт Максима Богдановича [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://maksimbogdanovich.ru/articles/32.htm>. – Дата доступа 9.12. 2011.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ